

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

предложить и другое объяснение: выражение "четыре моря" пришло не от эмпирической географии, а от модели ритуального пространства, в котором вода часто выступает в качестве антипода "космосу", устроенному пространству, как символ "хаоса", неустроенного пространства. Эти представления столь же универсальны как универсально мифопоэтическое мировоззрение.

В заключение позволим себе некоторый повтор и сформулируем два основных вывода: первый – в основе традиционных китайских политических представлений лежала модель пространства, характерная для мифопоэтического мировоззрения; второй – каждая из трех важнейших особенностей этой модели – ориентация на центр, членимость и предельность – дала самоназвание страны, которыми и являются "шэ цзи" ("алтари Земли и Злаков"), "Чжун го" ("Центральное государство") и "Тянь ся" ("Поднебесная").

-
1. Китайско-русский словарь. Под ред. Б.Г.Мудрова. М., 1980.
 2. В.Н.Топоров. Первобытные представления о мире. – Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., "Наука", 1982.
 3. Дай Цин ли чао ши лу (Хроника великой Цинской династии по царствованиям). Токио, 1937, раздел "Ши-цзу чао".
 4. Лян Цисюн. Сянь-цзы цзяньши (Собрание сочинений Сянь-цзы с комментариями). Пекин, 1956.
 5. Тан да чжао лин цзи (Собрание императорских указов династии Тан). Пекин, 1959.
 6. Ту шу цзи чэн (Полное собрание текстов и изображений). Изд. "Чжунхуашуцзюй", 1934.
 7. Цзинь ши цуй бянь (Собрание надписей на камне и металле), сост. Ван Чан, Ксил., 1805.

Ю.Д.Михайлова

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ МОТООРИ НОРИНАГА (к вопросу о развитии самосознания мыслителя)

При изучении идей того или иного мыслителя в первую очередь представляется важным проанализировать, под влиянием каких факторов общественной и идейно-политической жизни страны происходило формирование его учения, интересы каких социальных слоев он выражал. Однако не меньшего внимания заслуживает и вопрос о том, в ка-

ком соотношении с представлениями данного мыслителя о самом себе находилось созданное им учение, какое отражение получил в нем собственный внутренний мир мыслителя.

Творческий путь Мотоори Норинага (1730–1801 гг.), главы школы "национальной науки" в Японии, можно разделить на три периода в зависимости от того, какие проблемы привлекали его внимание в то или иное время. В начале своей научной деятельности (1750-е – начало 1760-х гг.) он занимался исследованием японской поэзии и прозы периода Хэйан. В центре внимания Норинага были вопросы предназначения литературы, сущности и природы человека.

Следующие двадцать лет (до середины 1780-х гг.) интерес ученого был сосредоточен на исследовании "Кодзики", филологическом анализе памятника. Мифы и легенды "Кодзики" легли в основу созданного Норинага учения, которое он назвал учением о Древнем Пути. В эти годы из-под пера ученого вышли работы, в которых излагались теоретические положения учения о Древнем Пути: "Наоби-но митама" (Очищающийся дух, 1771), "Кудзубана" (Цветы пуэзарии, 1780) и др.

Последние полтора десятилетия жизни Норинага попытался применить созданную им теорию к решению насущных социально-экономических проблем, а также прилагал усилия к распространению своих идей в стране.

Рассмотрим, как переключение внимания Норинага с одних проблем на другие соотносилось с общественной жизнью Японии XVIII в. и с осознанием мыслителем себя как личности и своего предназначения в жизни. Эта сторона взглядов ученого наиболее четко проявляется в его отношении к конфуцианству.

Впервые с рассуждениями Норинага по данному кругу вопросов мы сталкиваемся в его письмах 1750-х гг., адресованных другу Симицудзу Кититаро, являвшемуся сторонником учения Конфуция. В этих письмах Норинага высказал свое отрицательное отношение к конфуцианству, обосновав его следующим образом: "Путь совершенномудрых (т.е. конфуцианство – Ю.М.) учит, как управлять государством и умиротворять народ. Он никоим образом не касается личной жизни человека и того, каким образом получать в ней наслаждение... Этот Путь сам по себе великолепен: в большом масштабе он существует для управления страной, а меньшем – для управления провинцией. Однако я маленький человек (сёдзин). Даже если я тщательно изучу Путь, где же я смогу применить его на практике?"¹ Таким образом, на данном этапе своей жизни Норинага не отвергал учения о Пути совершенномудрых как таковое, но, считая себя "обыкновенным, маленьким человеком", не имеющим ни страны, ни народа, которыми можно управлять, он не при-

знавал конфуцианство как учение, отвечающее его представлениям о себе. Это побуждало его к поискам иной системы ценностей, и такую систему ценностей для себя Норианага нашел в японской литературе периода Хэйан.

В процессе изучения хэйанской литературы и в значительной степени под ее влиянием у Норианага сформировалась концепция "моно-но аварэ", составной частью которой является представление о человеке как существе слабом, эфемерном, способном чувствовать, но не действовать. Характеризуя такого человека, ученый употреблял эпитеты "орока" (глупый), "сидоэнай" (младенческий), "хаканай" (эфемерный). Как известно, понятие "эфемерный" предполагало пассивность субъекта, его беспомощность, зависимость от посторонних сил, будь то законы бытия или чужая воля.² Норианага подчеркивал, что человек может лишь выражать свои чувства в литературных произведениях и, таким образом, предоставлять возможность почувствовать их другим. Однако, по мнению ученого, это не означало, что человек имеет право "действовать согласно своим чувствам и желаниям". В жизни он должен руководствоваться принятыми в обществе нравами и обычаями.³

Формированию подобных представлений Норианага о человеке способствовал целый ряд факторов. Прежде всего необходимо отметить социальное происхождение ученого. Родом он был из купеческой семьи. Купечество как сословие в период Токугава стояло на низшей ступеньке социальной иерархии японского общества. Поэтому уже в силу одного своего социального происхождения Норианага не мог быть в числе тех, кто правит страной.

Во-вторых, семья Норианага принадлежала к ревностным приверженцам буддийской секты Дзёдо. Для адептов этой секты характерна вера в то, что человек, будучи существом грешным и слабым, должен просить Амида Будду о спасении в Чистой земле (Дзёдо). Другими словами, в амидаизме, в отличие от дзэн-буддизма, спасение достигается благодаря действию "тарики" (буквально "чужой силы") или милосердию Амида Будды. Учение секты Дзёдо, бесспорно, также повлияло на восприятие Норианага себя как существа слабого, беспомощного, находящегося под покровительством всемогущего Амида Будды.

Эти взгляды мыслителя получили дальнейшее развитие во второй период его творческой деятельности, когда в своем учении о Древнем Пути он стал рассматривать такие проблемы, как происхождение мира, роль и место человека в обществе. Будучи не в состоянии объяснить многие явления окружающей природы и общественной жизни, Норианага считал их "загадочными и удивительными проявлениями действий и за-

мыслов богов". При этом мыслитель утверждал, что "действия и замыслы богов" недоступны пониманию ума простого человека. "Ум человека, каким бы мудрым он ни был, - писал Норинага, - мал и ограничен. Он не в состоянии понять то, что лежит за его пределами"⁴. Ученый сравнивал людей с куклами, а богов с кукловодами и говорил, что люди могут действовать лишь в определенных пределах подобно тому, как двигаются ноги и руки куклы. Обыкновенный человек, считал Норинага, не может сам определить, что является правильным в жизни общества, а что нет. Его удел - повиноваться правителю и почитать богов, в первую очередь императора как бога на земле.

Таким образом, в учении Норинага о Древнем пути, так же как и в концепции "моно-но аварэ", человек слаб, эфемерен, его возможности и познавательные способности ограничены. Однако такому человеку уже противостоят боги - всемогущие, всетворящие, опекающие человека, направляющие его действия и жизнь общества в целом. Именно когда у Норинага сформировалось представление о богах как некоей высшей инстанции, покровительствующей человеку, произошло существенное изменение в его сознании и понимании своего предназначения в жизни.

Отныне Норинага считает себя вправе обрушиться с критикой на конфуцианство, но заявляет, что делает это благодаря силе, которую ему дали боги, или знание Древнего Пути. В этом отношении показательна дискуссия между Норинага и конфуцианским ученым Итикава Тадзумаро. Критикуя отношение Норинага к Пути совершенномудрых, Итикава писал: "Тот, кто осуждает Путь совершенномудрых, очевидно считает, что его моральная добродетель выше, чем у них". На что Норинага отвечал: "Считать так глупо. Конфуцианцы всегда остаются под влиянием Пути совершенномудрых и не знают ничего другого, поэтому они не могут обнаружить недостатки этого Пути. Однако, хотя я вовсе и не мудрый человек, я прекрасно вижу недостатки Пути совершенномудрых и этим я, к счастью, обязан духу богов. Я стою на вершине Пути богов. Даже карлик, стоящий на вершине, смотрит сверху вниз на великана!"⁵

Еще яснее видно изменение самосознания Норинага на примере двух его работ "Тама кусигэ" (Драгоценная лакированная шкатулка для гребней, 1786 г.) и "Хихон тама кусигэ" (Секретная драгоценная лакированная шкатулка для гребней, 1787 г.). Они были написаны в то время, когда в стране участились социальные волнения. Товарно-денежные отношения все глубже проникали в поры японской экономики, что ставило многих самураев в финансовую зависимость от купечества и заставляло увеличивать налогообложение крестьян. В свою оче-

редь крестьяне все активнее выступали против возросшего налогового гнета. Усилению их волнений способствовал также ряд крупных стихийных бедствий 1780-х гг.: мощное извержение вулкана на горе Асама в 1783 г., следовавшие одно за другим землетрясения, приводившие к голоду, эпидемиям, человеческим жертвам. В такое время Норианага не смог остаться равнодушным созерцателем жизни. В своих дневниках он регулярно отмечает рост цен на рис, с горечью пишет об увеличивающемся потоке беженцев из пострадавших от стихийных бедствий районов. Именно тогда он и создал "Тама кусигэ" и "Хихон тама кусигэ".

В первой из них Норианага вновь повторил основные положения учения о Древнем Пути, но сделал акцент на том, каким должен быть в его понимании Путь для правителя страны и других лиц, занимающихся управлением государством. В "Хихон тама кусигэ" разрабатывается вопрос о практическом применении учения о Древнем Пути, излагаются взгляды Норианага по современным проблемам, таким как финансовые трудности самурайства, тяжелое положение крестьян, восстания горожан и крестьян и т.д.

Долгое время в научных кругах было принято считать, что Норианага написал эти работы по заказу влиятельного правителя провинции Кии князя Токугава Харусада.⁶ Однако благодаря последним исследованиям японского ученого Скубо Тадаси,⁷ занимавшегося изучением обнаруженных недавно писем Норианага и черновых набросков к "Тама кусигэ", стал более ясен процесс создания этих двух работ. В 1787 г. правитель провинции Кии обратился "ко всем в своих владениях" с просьбой высказать мнение по вопросам управления. По совету одного из учеников Норианага написал "Хихон тама кусигэ", приложил написанную годом раньше "Тама кусигэ" и преподнес их Токугава Харусада. Очевидно, что Норианага сам чувствовал себя способным высказать свои взгляды относительно управления государством одному из тех, кто находился у власти. Важно отметить, что теперь Норианага характеризовал свою позицию как позицию ученого, задача которого состоит в исследовании и распространении учения о Древнем Пути: "Осуществлять Путь обязан правитель. Ученые со своей стороны должны мысленно исследовать Путь... Они должны показать другим людям значение Древнего Пути и изложить его в книгах."⁸ Действительно, Норианага стал много ездить по стране, выступал с лекциями, в которых пропагандировал свое учение. Особенно ученый стремился распространить его среди придворной знати Киото, в окружении императора.

Таким образом, на раннем этапе своей деятельности Норианага отвергал конфуцианство как учение, неприемлемое для "обыкновенного

человека" и, следовательно, для него лично, и в поисках средства самодовольствования стремился к познанию внутреннего мира человека через литературу. Тридцать лет спустя мыслитель создал свое собственное учение о Древнем Пути, противопоставив его конфуцианству. Под влиянием бурной действительности он пришел к убеждению, что его учение должно иметь социальный выход. В соответствии с этим представления Норианага о себе как маленьком, слабом человеке, способном лишь выражать свои чувства в литературе, изменились до осознания им своего положения как ученого, являющегося духовным наставником правителя. Таковы в сущности были сложившиеся в течение веков в Китае и Японии представления о предназначении ученого-конфуцианца. И эта культурная традиция не могла не оказать своего влияния на Норианага, как бы резко он ни критиковал конфуцианство.

1. Мотоори Норианага—о сёкансю (Собрание писем Мотоори Норианага), ред. Окуяма Усити. Токио, 1933, с. 4. Цит. по: Matsumoto Shigeru, Motoori Norinaga, Cambridge, 1970, с. 36, 39.
2. В.Н.Горегляд. Дневники и эссе в японской литературе X—XIII вв. М., 1975, с. 179.
3. Мотоори Норианага. Дзэнсю (Полное собрание сочинений). Т. 4. Токио, 1976, с. 38.
4. Мотоори Норианага. Дзэнсю. Т.5. Токио, 1927, с. 460.
5. Там же, с. 502.
6. Основоположником этой точки зрения является крупнейший авторитет в области изучения идей Норианага японский ученый Мураока Цунэцугу. Напр., см.: Мураока Цунэцугу. Мотоори Норианага. Токио, 1939.
7. Окубо Тадаси. "Тама кусигэ" — но кайдай (Объяснение названия "Тама кусигэ"), в Мотоори Норианага. Дзэнсю. Т.8. Токио, 1973. с. 35—41.
8. Мотоори Норианага. Дзэнсю. Т.8. Токио, 1927, с. 41.

М.И.Никитина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА СУБСТРАТА

(по данным корейского мифа и ритуала)

В дальневосточной культуре (имеется в виду Китай и его периферия), в отличие от культуры индоевропейской, не сохранилось текстов, подобных греческим "Илиаде" и "Одиссее", индийским "Рамаяне" и "Махабхарате" или текстам того же типа, но меньшего объема